

# ЦВЕТЫ РОМАНТИЗМА

ПРЕМЬЕРА «Московского классического балета» воскрешает искусство давних лет. Намыны мелодии, сочиненные в прошлом столетии А. Гировацем и М.-Э. Карфа ди Коломбрانو, а ныне продиржируемые Владимиром Эдельманом. Намыны крестьянские шале и господские дворцы, некогда созданные кистью Пьера Сисари. Намыны нахитрые сюжетные ходы: безответная любовь простака Зюга к фермерской дочке Натали и блестящий финал в виде овдовевшей швейцарской молочницы со знатным сеньором Освальдом.

Премьера «Московского классического балета» являет собой образец академически-вдумчивой, исследовательской — пыливой работы. Известный превосходными реконструкциями и реставрациями спектаклей наследия Пьер Лакотт восстановил постановку Филиппа Тальони с целеустремленностью ученого, с изобретательностью балетмейстера-стилиста, надленного интуицией и талантом.

Соратниками Лакотта стали все артисты оркестра, группа репетиторов и концертмейстеров, художника В. Погодина, которая помогла «красифировать» и выполнить давнее оформление. И,

разумеется, весь юный, полный сил и энтузиазма исполнительский коллектив сделал максимум возможного для успеха «Натали, или Швейцарской молочницы».

Успех — настоящий, завоеванный по праву. Для публики встреча с настоящей классикой, ранее неизвестной, оказалась радостной и занимательной. Для профессионалов — премьера исключительно интересна. Ведь в «Натали» еще слышатся отзвуки «Тщетной предосторожности» и уже видятся контуры первого акта «Жизель», а отчасти прочерчиваются намеки на сценарные положения «Копальми». Таким образом, еще одно звено истории балетного романтизма восстановлено. Памятник наследия воскрешен с живой, доброй и восхищенной улыбкой по отношению к старине.

«Натали, или Швейцарская молочница» не увидит нас в зоблачные сферы грез, поскольку мечты героев реализуются здесь же, среди нетронутой природы — меж скал, деревьев и сельских ферм. Здесь нет ни легкокрылых сильфид, ни бестелесных англис, ни прочих теней. Но есть место и чуду, и волшебству.

Чудом и волшебством становится сам Танец. Он ца-

рится на сцене, временами унося место зрительной и завывной пантомимы, чтобы затем всплынуть, засиять и аорцариться вновь. Поводов для танцев предостаточно: приехали миледи Равена (чрезвычайно эффектная и аристократическая у Н. Даниловой) с братом Освальдом, и в честь высоких гостей поселение устраивают целое празднество. Развертываются и свиваются линии кордебалета. Сменяют друг друга акварельно-нежные и вместе с тем ошеломительно-виртуозные дуэты (Г. Скуратова, Ф. Гильфанов, И. Терентьев) и трио (М. Перкун, В. Тимашова, А. Горбачев).

Очнулась плененная в замке Натали, увидела заводную куклу — двойника Освальда и — снова танцы. Явился обманщик Освальд, объяснил все перепутанной, смущенной и счастливой героине — снова танцуют. Да еще танцы на просцениуме — под сплошные аплодисменты зала Кремлевского Дворца съездов: веселое танцевальное шествие, где профдефилируют перед публикой все герои — и чета фермеров, что потом исполнят смешное «характерное па» — Е. Гильфанова и В. Храпов, и вторая их дочка Анриетт (С. Шахоткина) со своим на-

реченным (В. Цехоцаев), меподатель и комик Зюг — неподаваемо поташный и трогательный С. Бвлорыбчин. Они протмачся по авансцене, чтобы секундой позлее выйти в неторопливом шествии с фонариками и открыть заключительный парад танцев. Сложные, ажурные, ежесекундно сменяемые рисунки групповых композиций на протяжении всего спектакля образуют декоративное роскошное обрамление для главных партий. На роль Натали приглашена Екатерина Максимова. Попробуйте зафиксировать в слове ослепленные цветной, летучей пылью изыры на крыльях бабочек, попробуйте

попытать и замкнуть в пределы одной фразы! подвижный, жаризный солнечный блик. Попробуйте фассказать, как сважий вешний лист рождается из почки. Танец Максимова вызывает именно такие ассоциации. От ее Натали веет вешней свежестью, светом солнца, естественностью самой природы. В застенчивости героини угадывается полудетское кокетство. В лукавой грации движений и улыбок светится предельная непосредственность юного существа.

Максимовой — Натали никаких поводов для танца не надобно. Танец кажется ей

единственно возможной формой существования. Трудно назвать роль, адекватную по физическим нагрузкам, к тому же столь непривычную по обилию и сложности мелких движений. Роль требует полного растворения совершенной техники в артистизме и стилистической точности. Здесь натренировался и восстановился непривычный, подготовленный профессиональный аппарат, и извечное очарование Максимова, и своеобразие личности мастера. Последнее несколько сезонов балерина непрерывно открывалась нам совершенно неожиданными граниями своего таланта.

Максимова продемонстрировала, что такое сознание полноты творческих возможностей. Она может все — будь то головокружительная по своей затейливости работа ступней или замысловатые акцентные, расставленные в танце кистями рук, стремительные темпы аллегро или задумчивые темпы адажио, подвижность самых причудливых комбинаций — все доступно, ничего невыполнимого попросту не существует.

Торжествуя в стихии классического танца, наслаждаясь своей ролью, Максимова создает единственную в своем роде художественную иллюзию простоты всего, что делает ее Натали. Кажется, танцевать ей так же просто, как катить маленькую тачку, но она отказалась бы присоединиться к общему веселью. Во втором действии Исаев,

малой оживают легенды о чарах Фанни Эльслер, об изяществе Карлотты Гривиз, о несомности Марии Тальони. Но Максимова неизменно остается самой собой — прима-балериной семидесятих годов XX столетия. Навыки для Максимова отнюдь не тождественны однознанности. Комедия отнюдь не исключает лиризма. В самых комедийных пассажах — в испуге перед настойчивыми просьбами «организатора похищения» Вальтера (В. Волошин), в смущении перед Освальдом слышатся лирические нотки. А самые лиричные периоды адажио с Освальдом вдруг окрашиваются задорным комизмом. Так их взаимодействует двух стихий возникает неповторимо живой и неповторимо скомый с прототипами романтического XIX века портрет Натали.

И становится понятным, сценически убедительным, оправданным то пыльное, мальчишеское восхищение, что вызывает Натали у героя балета. В трактовке Станислава Исаева юный сеньор, этот «ближайший родственник» Альберта, играет любовь с первого взгляда. Вынужденный условиями сценария провести все первое действие в преспокойной мизансцене за столом, как благоклонный зритель крестьянских divertissements, он не сводит с Натали блестящих влюбленных глаз и явственно отказался бы присоединиться к общему веселью. Во втором действии Исаев,

наконец, дожидается того блаженного момента, когда надо и можно танцевать. Танцует он с упоением молодости и точностью высокого профессионализма. Дуэты с Максимова, отмеченные стилистическим единством манеры партнеров, излучают радость жизни и счастье разделенного чувства. Его сольные вариации — беглые, легкие, без ощутимых прикосновений к сценическому планшету, — исполнены на одном дыхании. И та иллюзия небрежного, потыического изящества, с какой танцует он соло со стэктом, довершает сценический образ юного героя. Танцует Освальд, Исаев находится в отличной форме. И надо полагать, опыт работы над новой партией окажется небесполезным для его участия в нынешнем Международном конкурсе в Варне.

Исаев улетел в Болгарию, а в «Натали» появилась еще одна пара — знакомые нам по талантливому исполнению па-де-де Г. Скуратова и недавний выпускник московского училища И. Терентьев. Как видит, исполнительские ресурсы богаты и обновляются непрерывно. В том, что здесь плодотворно работает и мастерам и молодежи, в том, что шедевры классики соседствуют с талантливыми современными балетами, — несомненная заслуга руководителей коллектива Наталии Касаткиной и Владимира Васильева.